

ЧТО ЖЕ такое происходит с людьми? Немолодой уже человек, в прошлом агроном, потом учитель, Саак Камсарян просто-таки фанатически противится ликвидации горного села, которое покидают жители. При этом он в своем противлении доходит до безрассудства, ибо как иначе можно расценить его попытку не пустить в село для погребения покойника только потому, что тот когда-то покинул родное гнездо...

Камсарян говорит своему сыну, поэту, об одном русском писателе, живущем в Сибири, который «с невероятной болью пишет о гибели маленького островка», на нем «двести лет жили люди, любили, детей рожали, землю обрабатывали...». «А чем наше село не такой остров?» — спрашивает он.

Припьем к стенке этого Камсаряна неотразимой логикой: ну, хорошо, старая крестьянка Дарья с маленького островка на Ангаре не могла понять государственной необходимости затопления ее родной деревни Матёра, но вы-то, учитель, человек образованный, неужели не понимаете, что идет объективный процесс миграции населения из села в город, что оставшимся в Лернасаре немногим жителям предлагают лучшие условия при переезде в благоустроенное село?

«Такому не быть!» — упрямо твердит Камсарян. И никакие доводы рассудка не могут поколебать этого поистине фанатического упорства. Жителей в еще недавно большом селе осталось — по пальцам сосчитать, детей школьного возраста — шестеро, а он с дочерью Соной бесплатно учит их в школе, заново красит крышу своего дома, будто стоять ему тут и стоять...

Читая роман Вардгеса Петросяна «Одинокая орешина» впервые, я в какой-то момент даже начинаю сомневаться — может быть, перед нами действительно безрассудный упрямец, не больше? Но давайте оглянемся вокруг, вспомним, что происходит похожего в нашей жизни и как на это смотрит современная литература. Одна ли распутинская бабка Дарья да учитель Камсарян так привязаны к родовому гнезду? В романе Чингиза Айтматова «И дольше века длится день» его главный герой Бураный Едигей проявляет великое упорство, чтобы преодолеть неожиданные обстоятельства и выполнить последнюю волю старого Казангала — похоронить его на родовом кладбище. В повести Владимира Личути-на «Последний колдун» старый помор Геласий упорно не хочет покидать своего дома и переселиться в новый, чтобы не дать разрушить родной очаг. И вот совсем иной вариант: во всем изверившийся человек, трагично, навсегда

оторванный от родины, винуватый перед нею, сам приближает свой конец и просит похоронить его на одном из московских кладбищ, потому что здесь, в Москве, прошли детство и юность, самое прекрасное и светлое, что было в его запутанной жизни («Выбор» Юрия Бондарева)...

Да, конечно, это не новое чувство, человек всегда (хоть и говорят, что он ищет, где лучше) был привязан к тому клочку земли, где он впервые

возрадовался жизни, к родному очагу, что укрывал его в непогоду, привязан сердцем (и птица свою сторону любит, говорит пословица). Ныне в этом чувстве появилось какое-то особое драматическое напряжение. Казалось бы, под угрозой уничтожения находится вся планета и человека должны занимать глобальные проблемы, а он бьется из последних сил, чтобы не дать погибнуть горному селению Лернасар.

Значит, верит человек в силу разума и доброй воли, верит — жизнь на земле продлится, но его пугают слишком радикальные перемены на ней, он боится, что вместе с изменением лика земли исчезнет что-то очень дорогое и важное, что веками накапливалось и откладывалось в человеческом опыте и что, потеряв, уже нельзя будет возродить. Ведь не забавы же ради Василий Белов, прекрасный русский прозаик, пишет этнографические очерки, торопясь запечатлеть дорогие сердцу черты крестьянского быта, его этики и эстетики («Лад»).

Я отвлекся от романа «Одинокая орешина», чтобы посмотреть на него в контексте современной прозы, понимая, что Саак Камсарян, его главный персонаж, не похож ни на Дарью из «Прощания с Матёрой», ни на персонажей других названных мною произведений. Тут важна общая атмосфера ностальгического постоянства, которое проявляет наша большая литература, трепетно и, может быть, как никогда прежде, ревниво оберегая родное гнездо от разрушительной инерции нового века.

Обновляется жизнь — обновляется и земля, уходят под воду или просто стираются с ее лица сотни селений, это неизбежность, а человек, соглашаясь с этим, явно и тайно делает исключение для своего села, для своей деревни, для своего дома... Назовите это эгоизмом, местничеством, близорукостью — как угодно, все будет правильно и в то же время неправильно. Неправильно по-человечески. Это тот случай, когда ум с сердцем не в ладу.

Вардгес Петросян в образе Саака Камсаряна попытался найти лад. К концу романа выясняется, что Камсарян никакой не фанатик, что он в своем письме в райком партии логично обосновывает необходимость и народнохозяйственную выгоду сохранения горного села Лернасар, что его письмом заинтересовался новый первый секретарь райкома Вардуни, что решения о ликвидации села, оказывается, не было и, возможно (писатель дает к этому некоторые основания), будут приняты какие-то попытки возродить Лернасар. Камсарян приводит список тех лернасарцев, которые хотят вернуться в село. Варду-

жели с серьезными познавательными целями.

Впрочем, роман «Одинокая орешина», видимо, и не задумывался как галерея типов, при всем их разнообразии автор как будто и не стремится пойти далеко вглубь, раскрыть психологические предпосылки поступков. Его внимание сосредоточено на образе Саака Камсаряна, на проблеме пустиющихся, заброшенных горных селений, в обозримом прошлом игравших немалую роль в народном хозяйстве Армении. Тут прорывается голос Петросяна — очеркиста, публициста, особенно отчетливо он слышен в строках письма Камсаряна в райком партии. Это

объяснить их Вардуни, обращаясь к Камсаряну, имея в виду как раз похороны: «Вы боролись за людей, но это иногда означает: против этих же самых людей». Пожалуй, можно было бы объяснить проще.

И все-таки образ главного героя привлекателен тем, что он искренне, не напоказ, любит родной уголок земли в горах Армении и что любовь эта — не инстинкт только, не природное только сыновнее чувство, она одухотворена пониманием общенародной ценности этого уголка земли, его плодonoсящей, рождающей мощи.

Легенда об одинокой орешине, которой начинается и кончается роман (какой же современный роман без мифов!), говорит, что корни ее уходят в глубину чуть ли не на две тысячи метров. В одной средневековой рукописи очевидец свидетельствует, что люди этого села любили собираться под огромной орешинкой на вершине горы в дни горестей и радостей. Легенда эта — как жемчужина в раковине. Петросян приоткрыл раковину, чтоб «возвратить людскому сердцу и разуму жемчужину легенды». Одинокая орешина на вершине горы ждет, когда под ее кроной вновь соберутся жители села Лернасар...

Ал. МИХАЙЛОВ

ЖЕМЧУЖИНА В РАКОВИНЕ

Вардгес Петросян.
«Одинокая орешина».
Роман. Перевод с армянского А. Тер-Акоп-
яна. Журнал «Дружба
народов», № 1, 1981.

ни едет в Ереван с предложениями насчет покинутых сел. А пока Камсарян действительно остается в Лернасаре один и вокруг царит знойное безмолвие...

Мы сейчас отвлечемся от логики жизни, чтобы переключиться на логику характеров, скорее даже, одного характера, ибо остальные идут вторым планом, даны менее выпукло, иногда намечены несколькими штрихами.

Скажем, в заместителе председателя райисполкома Сосе Сафаряне мы видим армянский вариант заурядного бюрократа, каких немало встречали в литературе, на сцене, на экране. Фигура не оживлена какими-либо отличительными свойствами, и понадобилась она как антипод образу секретаря райкома. В этом «звене» Петросян не нашел свежих красок для создания характеров.

Среди остальных персонажей (кроме Камсаряна) заметна Сола, заметна и по тому месту, которое она, вслед за отцом, занимает в романе, и по характеру, необычайно целеустремленному и в то же время женскому, мягкому, притягательному своей гармоничностью.

Колоритны горские типы — и Размик Саакян, и старики Оган Симавонян и Ерем Сигрян, — роль их в сюжете романа не так велика, но они здесь символизируют устойчивость крестьянской жизни, ведь два старика, многие годы находившиеся в ссоре, поняли: «Не на гом же свете мириться...»

Есть в романе и совсем проходные фигуры, например, Гаяна, молодая, неприкаянная, безнадежно влюбленная в учителя женщина, или немец Вольфганг Майер, приезжающий в Армению, похоже, больше из интереса к экзотике, не-

письмо человека, хорошо знающего, чего он хочет, и подкрепляющего практические предложения экономическими выкладками.

Потому и в сюжетном, и в композиционном плане Камсарян выдвинут на авансцену. Правда, и здесь автор не особенно углубляется в область внутренней жизни, но пристальное внимание к слову, к жесту, поступку, поведению его главного персонажа выявляет характер достаточно полно. Появление его на страницах романа окружено дымкой воспоминаний — о покойной жене, о том, как отказался жить и работать в Ереване... А затем работники милиции, прибывшие в Лернасар с деликатным поручением уговорить Камсаряна покинуть село, спуститься в долину (а за ним уж наверняка пойдут и остальные жители), застают его за делом: учитель протирает памятник павшим на войне. Конечно, памятник этот возник тут не случайно, он создает эмоциональный фон уверенности учителя, служит своего рода аргументом в его споре с районными властями.

Не очень внятно сказано поначалу о письмах, которые писал в район Камсарян, это уж потом, когда последним из них займется первый секретарь райкома Вардуни, станет более или менее понятной такая непоколебимая уверенность учителя, а вот некоторые дальнейшие действия его и реплики в разговорах вызывают вопросы и недоумения. Узнав о том, что молодой Врам Симавонян согласился по требованию родителей невесты переехать после свадьбы в райцентр, Камсарян решил отказаться от приглашения на свадьбу. Этот жест подрывает веру в серьезность и внутреннюю правоту Камсаряна, в его человечность. Еще большее недоумение вызывает уже упоминавшийся случай с попыткой не пустить в село, на кладбище, покойника...

Мне кажется, в этом есть какие-то отклонения от внутренней логики характера. Пожалуй, безуспешно пытается